

Леонид Зуров

Дон Аминадо

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

Дон Аминадо -- псевдоним Аминада Петровича Шполянского, начавшего свой литературный путь с газетной работы, затем печатавшегося в "Сатириконе" и выпустившего до эмиграции две книги стихов. Он уехал из России 20 января 1920 г. Расцвет его литературного творчества приходится на двадцатые--тридцатые годы. В 1921 г. вышла его первая эмигрантская книга "Дым без отечества" -- сборник сатирических стихотворений; в 1927 г. -- книга "Наша маленькая жизнь", рассказы на злободневную тему трудного эмигрантского быта. Лучшая поэтическая книга -- "Накинув плащ" (1928), с очень точным подзаголовком: "Сборник лирической сатиры". Последняя русская предвоенная книга (у Аминадо выходили книги и на французском языке) -- "Нескучный сад". Лучшее, что он написал в послевоенное время, -- мемуары "Поезд на третьем пути", в которых последние главы посвящены литературной жизни эмиграции.

"Десятилетия прошли -- и, не в пример другим юмористам эмиграции, Аминадо никак не устарел", -- писала в своих воспоминаниях Зинаида Шаховская. В подтверждение мемуаристы обычно приводят какие-нибудь остроумные иронические строки. Но стихи Дон Аминадо, которые он сам включил в свои поэтические сборники, -- подлинная лирика, хотя бы и вперемешку с горькой или легкой шуткой. Аминадо-лирику, безусловно, суждена более долгая жизнь, чем Аминадо-юмористу. "Вы своим даром роскошничаете", -- писала ему Цветаева. И еще: "У Вас проста поэтическая сущность, которой Вы пренебрегли". В довоенные два десятилетия его известность не уступала, а может, и превосходила известность Н. Тэффи. Оба в своей жизни писали стихи, юмористические рассказы, воспоминания. Но Тэффи, ценившая свои стихи, останется в русской прозе, Аминадо -- в поэзии. Бунин имел в виду именно Аминадо-поэта, когда писал о нем как об одном "из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение".

Аминад Петрович не переносил надгробных слов. Они его возмущали. Об этом он говорил не раз. Не любил он и торжественных заседаний. Хорошо знал цену человеческому красноречию. На юбилее Ходасевича, после всех выступлений, прочитал написанные им тут же за столиком, экспромтом, колючие стихи.

Веселый русский Париж 1930 года. Множество молодых поэтов, два литературных союза, горячие обсуждения, споры, фельетоны Адамовича и Ходасевича о литературных новинках. Казалось, зарубежные силы неисчерпаемы. В том году Иван Алексеевич Бунин и познакомил меня с Аминадом Петровичем. Елисейские поля играли всеми огнями, легкое зарево стояло в небе. Ветер волновал пламя под Триумфальной аркой. Была зима. Встретились мы в тот вечер на углу площади Терн, где были выставлены океанские устрицы в плетеных корзинах и морские ежи. Аминад Петрович пригласил нас в русский ресторан, недалеко от рю Дарю.

А был Дон Аминадо тогда молодой, полный решительной, веселой и бодрой уверенности, небольшого роста, с прижатыми ноздрями, жадно вбиравшими воздух, с горячими, все замечающими глазами. Хорошо очерченный лоб, бледное лицо и необыкновенная в движениях и словах свобода, словно вызывающая на поединок. Умный, находчивый, при всей легкости настороженный. Меткость слов, сильный и весело-властный голос, а главное -- темные, сумрачные глаза, красивые глаза мага и колдуна.

Таким я его увидел в том веселом когда-то для русской эмиграции вечером и жадном Париже, где мы все отлично себя чувствовали. Встречи художников на Монпарнасе, вечера в зале Лас Каз, толстый литературный журнал, две независимых ежедневных газеты¹, много издательств. Центр зарубежной эмиграции. Шаляпин, Рахманинов, Глазунов, Коровин, Сомов, Бенуа, Малявин, Григорьев, Яковлев, Билибин, Шухаев, Ларионов с Гончаровой. Куприн, Зайцев, Ремизов, Шмелев, Алданов и Мережковские. Множество всевозможных союзов, землячеств и объединений. Эмигранты из Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и Одессы. Живая история старой жизни, революции, гражданской войны и всех эвакуаций. Рестораны, перекочевывавшие из Константинополя, цыгане, которые когда-то певали у Яра и в Новой